

© 1995 г., ЭО, № 2

С. В. Кузнецов

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

(конец XIX — начало XX в.)

Хозяйственные традиции в земледелии русских крестьян — это исторически сложившиеся устойчивые приемы обработки земли, ухода за посевами, жатвы и проч., а также определенные формы организации крестьянского труда. Анализ одних лишь агротехнических приемов, систем земледелия или классификация пахотных орудий, а равно изолированный анализ социально-экономических процессов, протекавших в русской деревне в конце XIX — начале XX в., не отвечает нынешнему пониманию исследовательских задач, поскольку игнорируется самое важное и принципиальное — понимание хозяйственных традиций как формы существования земледельческой культуры, которая в свою очередь воспринимается как целостная система. Поэтому подходить к ее анализу надо комплексно, что требует привлечения разнообразных видов источников от письменных архивных материалов, с которыми привыкли работать историки, до материалов, полученных традиционными для этнографии методами. Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена преимущественно обзору письменных источников.

Весь комплекс источников по изучению хозяйственных традиций русского крестьянства по происхождению условно можно разделить на две группы. К первой относятся материалы обследований, проведенные с научными целями Вольным экономическим обществом [далее — ВЭО], Русским географическим обществом [далее — РГО], Этнографическим бюро В. Н. Тенишева по специально разработанным программам. Часть этих материалов была, как известно, опубликована, однако основной массив документов до сих пор еще не введен в научный оборот.

В 1877—1880 гг. по инициативе Вольного экономического общества и при участии Русского географического общества было предпринято обследование русской общины по «Программе для собирания сведений о сельской поземельной общине»¹. Осенью 1879 г. ВЭО и РГО приняли решение издать поступившие ответы в виде «Сборника материалов для изучения сельской поземельной общины»². В этот сборник вошли ответы как на общую программу, так и на первоначальную программу РГО («Опыт программы для исследования поземельной общины»). Опросный лист через посредство губернских статистических комитетов распространялся среди волостной администрации. В обследовании принимали участие также священники, учителя, уездная и губернская администрация, помещики и студенты, т. е. лица, связанные с научной деятельностью ВЭО и РГО.

В программе ВЭО нет специального раздела, посвященного хозяйственным традициям. Однако в силу того, что многие стороны жизни крестьянской общины прямо или опосредованно были связаны с ее хозяйственной деятельностью, значительная часть вопросов программы ориентирована на получение сведений, характеризующих эту деятельность. Данный источник информативен не только в прямом, но и в косвенном отношении. Принятая в крестьянской общине система

земледелия накладывала отпечаток на содержание агротехнических приемов, набор возделываемых культур и проч. Так, практика поравнивания усадебных наделов либо отсутствие таковой определяли господствующий в данной общине тип огорода. В сельских общинах, где усадебная земля периодически, по мере изменения численности и состава семьи, частично перераспределялась, получили распространение общественные огороды; напротив, при отсутствии поравнивания — усадебные. Для каждого из этих типов были характерны определенный ассортимент выращиваемых культур, сроки посадки рассады и посева семян и сроки уборки овощей, организация труда и способы проведения работ. Имея представление о крестьянском землепользовании, можно, таким образом, с высокой степенью вероятности реконструировать хозяйственные традиции не только в огородничестве, но и в полеводстве.

Весьма содержательно описание способов раздела земли, свидетельствующее о том, что крестьяне в своей хозяйственной практике учитывали особенности расположения пахотных полей, качество почвы, ландшафт. В подтверждение вышесказанного приведем некоторые из местных названий наделных участков земли в Погорельской общине Костромской губернии (по сообщению корреспондента ВЭО В. П. Балакирева): черновые, за кустами, полянные, за дорогой, короткие косяки, ровковые, большие, залужковые, заовинные, узенькие, прислонные, каменные полосы, кривуши и т. д.

Анализируемый источник позволяет выявить также диктуемые хозяйственной целесообразностью критерии, которыми руководствовались крестьяне в случае поравнивания земли, и, кроме того, понять принятую в таких случаях систему компенсации за неудобье (прибавка за «увекую», на «замин»).

Чрезвычайно важным и мало привлекавшимся прежде для изучения хозяйственных традиций источником являются материалы фонда Этнографического бюро В. Н. Тенишева³. Программа, разработанная Бюро, включала около 500 вопросов, однако специального раздела, посвященного хозяйственным традициям, в ней не было. Вопросы, имевшие отношение к хозяйственным традициям, рассредоточены по нескольким пунктам программы, например, пункт 6 «Климатические условия в отношении крестьянской жизни» включал сведения о сроках и продолжительности всех полевых работ; в пункте 219 объединены сведения об обрядах, обычаях и приметах, связанных с пахотой, боронованием и унавоживанием, а также сведения о том, насколько принималось во внимание крестьянами при севе состояние погоды (температура, направление ветра, осадки и проч.).

Вопрос о крестьянских земледельческих орудиях составителями программы был разделен на 2 части. Отдельной строкой (пункт 300) выделены в программе «Нововведения в орудиях» как для обработки земли, так и в домашнем обиходе, и отдельно (пункт 378) — сведения о традиционных орудиях⁴. Подобное разделение, кроме того, что оно весьма условно, в ряде случаев предопределило взгляд корреспондентов на хозяйство и хозяйственные традиции только как на результат, а не как процесс культурного развития. Хозяйственные традиции — это достаточно ярко выраженная самостоятельная, хотя и тесно увязанная с другими, сфера жизни русского крестьянства, и именно так она понималась наиболее проницательными наблюдателями крестьянского быта.

Ввиду того, что состав корреспондентов различался по уровню образования, социальному положению, жизненному опыту и знанию крестьянской жизни, материалы, поступившие в Этнографическое бюро, неравноценны. Наиболее детальные, составленные со знанием дела корреспонденции были присланы из Калужской и Ярославской губерний.

Примыкают к названному типу источников статьи, присланные на периодически объявляемые ВЭО конкурсы по агрономии⁵. Помещичьи хозяйства, в которых на протяжении XIX в. в различных формах использовался труд крестьянина, в агротехническом отношении мало чем отличались от крестьянских хозяйств, а если и отличались, то нередко в худшую сторону — крестьянское хозяйство было более рациональной формой организации товарного производства.

Поэтому упомянутые статьи нередко представляют собой подробное описание практикуемых в помещичьих имениях традиционных агротехнических приемов и способов обработки зерновых и технических культур, разновидностей крестьянских сельскохозяйственных орудий и приспособлений.

Вторую группу источников образуют документы из фондов центральных органов государственного управления — Сената, Министерства внутренних дел, Министерства земледелия и государственных имуществ и, особенно, Департамента земледелия, — хранящиеся в Центральном историческом архиве России. К этому же типу источников можно отнести документацию местных (губернских и уездных) органов управления; органов местного самоуправления — земского губернского собрания и губернского земских управ; записки, отчеты и прочая деловая документация обществ сельского хозяйства. Отдельную группу составляют материалы периодической печати.

В 60—70-е годы Министерство государственных имуществ начало публикацию статистических материалов⁶. Названная публикация содержала сведения о системах земледелия, структуре полей, наборе культур и их соотношении в хозяйствах государственных крестьян. Авторы ее ставили перед собой цель систематизировать результаты оценочных работ, проводимых учрежденными Министерством государственных имуществ кадастровыми комиссиями.

Большей части сведений, регулярно поступавших в Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия, в архиве не имеется. Но в свое время эти сведения обрабатывались и готовились к изданию в виде специальных докладов. В них содержится важная для нас обобщающая, отобранная и проанализированная на основе единых критериев информация. Так, в докладе «Об изучении сведений о густоте и способе посева» фиксируется зависимость норм высева от совокупности условий исторического, технического и экономического характера⁷, которая выражается, во-первых, в колебаниях норм высева даже в одном районе и, во-вторых, в более или менее постоянной величине густоты посева для каждой местности, «уклонения от которой вызываются лишь исключительными случаями»⁸.

Отчеты «О составлении сведений гг. губернаторами о состоянии отраслевой сельскохозяйственной промышленности» характеризуют в общих чертах структуру посевов в соответствующих губерниях с дифференциацией преобладающих в том или ином уезде культур⁹. Переход к четырехполью с посевами клевера, пути распространения клеверосеяния, социально-психологические аспекты этой проблемы отражены в ответах уполномоченных департамента земледелия¹⁰.

В конце XIX — начале XX в. всеми земствами интересующих нас губерний были проведены обследования, важнейшей частью которых был анализ хозяйственного положения в деревне. Материалы этих исследований публиковались земствами на протяжении 90-х годов XIX и в начале XX в. Эти публикации носили обобщающий характер, поэтому их авторы многие мелкие, но характерные детали хозяйственной жизни крестьянства сознательно или непреднамеренно опускали, следовательно необходимо обращаться также и к рукописным материалам.

Разнообразные, как опубликованные, так и неопубликованные материалы земств типологически тяготеют к первой группе источников: они также собирались по заранее разработанной программе, а многие земские деятели были непосредственно связаны с ВЗО, РГО, Этнографическим бюро В. Н. Тенишева.

К названной группе документов относятся ответы на программу, подготовленную Ярославским губерньским земством в 1876 г. Эта программа разрабатывалась в общем русле протекавшей тогда полемики о сущности общины и объективно отражала ее наиболее животрепещущие проблемы. Как видно из названия программы («Программа вопросов о крестьянском землевладении»), основной интерес ее авторов был обращен на выявление особенностей землевладения и землепользования, что составило первую группу вопросов: как происходит раздел земли на «клины» («гивы»), какова периодичность переделов и какая форма передела

(коренной или частичный) преобладает в данном селении, включая усадебную, огуменную землю и сенокосы. Вторая группа вопросов касалась форм купли-продажи земли, а также аренды.

Мы не выделяем структурно еще одну группу вопросов, а именно — частные вопросы, касавшиеся конкретных хозяйственных приемов и организации хозяйственных работ. В данном случае речь идет о способах раздела пахотных полей на долевые участки. Способы раздела пахотных, сенокосных угодий традиционно рассматривались исследователями сквозь призму общинного землевладения и соответствующих форм землепользования. Между тем система разверстки земельных угодий, основанная на нормах обычного права, есть результат аграрной практики. Та или иная система разверстки диктовалась прежде всего хозяйственной целесообразностью, или, другими словами, оптимальными, а значит, прошедшими проверку коллективным опытом, приемами и способами ведения полевого хозяйства.

Рассматривая под таким углом зрения систему разверстки пахотных угодий, мы получаем достаточно ясное представление о различных сторонах хозяйственной жизни русских крестьян Центральной России. Судя по ответам на программу, практиковавшийся крестьянами способ разверстки варьировался в каждой местности и определялся совокупностью хозяйственных условий, главнейшие из которых — качество земли, рельеф хозяйственных угодий и степень отдаленности их от селения. В различных комбинациях этих условий на первый план выходил какой-то один из названных факторов.

Часто ответы не всегда строго следовали поставленному вопросу, что дает возможность получить дополнительную информацию.

Столь же подробная информация в ответах на программу 1876 г. Ярославского губернского земства содержится и о способах разверстки сенокосных угодий. В одних случаях сенокосы разбивали и делили так же, как и пахотные земли, в других случаях «клинов» не выделяли. К сожалению, прямых указаний, почему не было разделов сенокосов на клины, в названном массиве документов не находим. Прослеживается, однако, закономерность: в тех селениях, где отсутствовала традиция выделять «клины» («гривы») при разделе полей, то же самое практиковалось и в отношении разверстки сенокосов. Материалы ярославской «Программы» содержат подробное описание способов раздела сенокосов при разбивке их на «клины» («гривы»), включая различные формы компенсации крестьянам, получившим по жребью худшие по качеству травы сенокосные полосы.

Дополнительным аргументом в пользу понимания детерминированности способов землепользования сложившимися хозяйственными традициями является зафиксированная в ответах земской программы практика использования земли малочисленными крестьянскими хозяйствами. Ширина полосы на одну душу в Ярославской губернии колебалась от 3 до 5 аршин, поэтому «...„однодушійки“ (владельцы однодушьевого надела.— С. К.) двое или трое по случаю узких полос соединяют эти полосы вместе и берут полосы не в каждой гриве или куртине... а где достанутся по жребью»¹¹. Очевидно, что помимо пресловутой «уровниловки» община в сложившейся практике землепользования руководствовалась хозяйственной целесообразностью и устойчивыми земледельческими традициями, не препятствуя хозяйственной инициативе отдельных крестьян.

Последующие местные исследования, проведенные в 1880—90-х годах Рязанским, Калужским, Ярославским и др. земствами, опирались на опыт проведения подобных исследований Московского земства — использовались программа и методика сбора статистических данных Московского земского статистического бюро; была также заимствована описательная часть, дополняющая статистическое исследование. В ходе выполнения программы к исследованию привлекались материалы волостных правлений: книги окладных сборов, сделок и договоров, книги решений волостных сходов и волостных судов. На собиравшихся сходах осуществляли подворную перепись, включив в нее вопросы преимущественно экономического характера.

Помимо сведений, знакомящих с экономическими условиями отдельных семей, собирались также данные, относящиеся к целой общине и характеризующие ее «экономические и бытовые условия»¹². Путем расспросов добывались сведения о качестве почвы, о хозяйстве и хозяйственных приемах крестьян на надельной и собственной (т. е. приобретенной в результате покупки) земле. По возможности собирались также и сведения о хозяйстве в помещичьих имениях, поскольку крестьяне, работая в них или арендуя у помещиков землю, могли дать сведения об этих хозяйствах, иногда довольно полные.

В конце XIX в. Калужским губернским земством была проведена работа по сбору текущей статистики. С этой целью была разработана программа, которую разослали землевладельцам, священникам, учащимся и т. д., всего 271 добровольному корреспонденту. В силу этого значительная часть обзора носила описательный характер, предоставляя исследователю возможность выявить общую картину состояния сельского хозяйства.

Посредством усилий со стороны низших административных органов была также проведена подворная перепись, которая, однако, ввиду нехватки средств, не была сплошной. Проводили ее по нескольким дворам в каждом селении. Сельские старосты опрашивали крестьян о числе душ, количестве рабочих лошадей, нормах высева семян на единицу площади и проч.¹³

Земскими статистиками неоднократно отмечалось, что проводимая на сходках подворная перепись (по сравнению с переписью, проводимой регистратором) имеет преимущество, во-первых, в коротких сроках и, во-вторых, в том, что сходом в большей степени гарантировалась точность даваемых крестьянами сведений: «...сам крестьянин никогда не решится дать на сходе неточные сведения о своем хозяйстве, а сход со своей стороны никогда не допустит неправильностей»¹⁴. Организаторы земских исследований отмечали также, что поддерживать внимание схода к расспросам («держать сход в руках») — необходимое условие точности сведений¹⁵.

Разнообразие всех сведений, полученных в результате местных земских исследований, невозможно было уложить в ряды цифр, поэтому они сопровождались «пояснительными, или описательными сведениями»¹⁶.

В конце XIX — начале XX в. силами местных административных органов в лице губернских статистических комитетов было предпринято масштабное, в пределах каждой губернии, обследование крестьянских общинных хозяйств. Обследование Ярославской губернии местным комитетом началось с Ярославского уезда в 1901 г., по другим уездам сведения об общинных крестьянских хозяйствах собирались с некоторым перерывом вплоть до революции 1917 г. Были разработаны специальные бланки, которые рассылались в волостные правления, где они через волостных старшин заполнялись и отсылались в уездную земскую управу.

Исследование, проведенное Ярославским губернским статистическим комитетом в 1901 г., отличается от позднейших тем, что оно более описательно. Думается, однако, что именно в силу этой особенности материалы по Ярославскому уезду представляют несомненный интерес для изучающих хозяйственные традиции. Описание каждого селения начиналось с краткой топографической характеристики: описание проездов на поля и прогонов для скота. Далее следовали данные о числе душ (или разверсточных единиц), а также о количестве надельной земли с выделением ее категорий: удобная, неудобная, пустоши. Под определение «удобная» попадали земли, удаленные от селения на расстояние не более 1—1,5 верст. Пустоши («лесистые участки» — по местному определению) и «неудобная» пашенная земля — дальние участки пашни, нередко запускаемые в залежь. Пашенная земля характеризуется в материалах исследования не только с точки зрения удобства (удаленности), но и с точки зрения рельефа и состава почв.

В анкетах, которые заполнялись чиновниками и представителями волостной администрации, были зафиксированы основные этапы сельскохозяйственных работ, отражающие особенности земледельческих традиций в их микролокальных вариантах.

Кроме того, по каждому селению приводились данные о размере сенокосов: поемных и суходольных. Это тот редкий и счастливый случай в работе с источниками, когда содержание хозяйственных традиций дается в контексте хозяйственной жизни конкретной общины.

Местное исследование крестьянских общинных хозяйств в полной мере освещает особенности адаптации крестьянского хозяйства к природно-климатическим условиям. Названные материалы позволяют проследить зависимость способов и сроков обработки пашни, количества удобрений, вносимого под различные культуры, от рельефа полей и свойств почвы, а данные о структуре усадебных земель и всех других видов общинных угодий дают основание утверждать, что традиции в земледелии обладали достаточной гибкостью. Говоря о гибкости хозяйственных традиций, мы имеем в виду способность крестьянского хозяйства к самоорганизации, к маневрированию в сфере перераспределения фонда всех видов земельных угодий крестьянской общины.

Ярким примером другого типа земских исследований — текущей статистики — является опубликованный Владимирским губернским земством «Свод сообщений добровольных корреспондентов о переменах в технике крестьянского хозяйства»¹⁷. Свод охватывает широкий спектр изменений в хозяйстве крестьян Владимирской губернии, касающихся структуры полей, способов очистки семян, применения в крестьянских хозяйствах нетрадиционных приемов обработки почвы, а также использования сельскохозяйственных машин и орудий — плугов, катков, веялок, сортировок. Анализ ответов корреспондентов со всей определенностью позволяет выявить динамику земледельческих традиций и дает основания считать, что динамика традиций изначально поддерживалась поиском, в основе которого — индивидуальный хозяйственный опыт. По данным корреспондентов, новаторская деятельность отдельных крестьян распространялась прежде всего в сфере применения сельскохозяйственных машин и орудий.

Внимательное изучение ответов корреспондентов Владимирского земства вместе с тем свидетельствует о приспособленности хозяйственных традиций к местным условиям. Землевладелец Шуйского уезда И. Г. Хромов писал: «Ни число вспашек, ни число боронований, ни глубокая, ни мелкая пахота и заделка семян не принесут ожидаемого результата. Все это, оказывается, испробовано уже отдельными крестьянами, и выяснено, что глубоко пахать нельзя, потому что пахотный слой тонок, а выворачивать белую глину убыток. Двоение (вторая вспашка. — С. К.) тоже, — заключает И. Г. Хромов, — пользы не приносило, а кроме того, в случае двоения пасти скот будет негде»¹⁸.

Значительный интерес представляют материалы губернских земских управ и губернских земских собраний. Большей частью это документы, в которых отразилась деятельность земств по оказанию помощи крестьянам и улучшению их положения: журналы агрономических совещаний при губернских и уездных управах, касающиеся вопросов снабжения крестьян семенами клевера и тимофеевки и прочих мероприятий для улучшения «местных сельскохозяйственных условий»¹⁹, отчеты и обзоры о положении сельского хозяйства, которые регулярно направлялись в Департамент Министерства земледелия и сельского хозяйства, в Центральный статистический комитет и в Московское общество сельского хозяйства. Отчеты и обзоры составлялись на основе собираемых сведений об отдельных крестьянских хозяйствах. Для этой цели земствами были разработаны анкеты, их вопросы были ориентированы на выяснение влияния общины на крестьянское хозяйство: какова была периодичность переделов, что предпочтительнее для крестьян — коренные переделы или «поравнивания», какая форма владения предпочтительнее — подворная или общинная. Названный вид документов может быть использован как для изучения взглядов крестьян на мирское устройство, так и для изучения хозяйственных традиций.

Анализ ответов показывает, что частые коренные переделы отсутствовали в практике крестьянского землепользования. Неблагоприятные для себя последствия коренных переделов опрошенные крестьяне связывали с необходимос-

тью расставаться с участком земли, в который вложено много удобрения. Вот типичное мнение по этому поводу одного из опрошенных крестьян Ярославской губернии: «Общие переделы не нужны, достаточно свалки и навалки, потому, что не к чему всю землю перебуторивать, да примерно я лучше других удобряю»²⁰.

Нужно иметь в виду, что как составленные определенным образом вопросы уже содержали подсказку и определяли тем самым зачастую ответ, так и слушающие, участвовавшие в собирании подворных сведений, вольно или невольно могли оказать давление на крестьянина самой постановкой вопроса, а в толковании ответов отразить свое понимание того или иного вопроса.

Некоторая заданность особенно прослеживается в связи с попыткой найти непосредственную связь между общинным землевладением и практикой организации работ во время сенокоса. Так, в одной из анкет Ярославского губернского земства зафиксировано мнение крестьянина Гусева о тормозящем влиянии общинного землевладения на развитие крестьянского хозяйства: «Когда сенокос, то одни говорят, надо ворошить, другие, глядя на небо, — домой возить, третьи — нужно на месте»²¹. Однако архивные материалы показывают, что общественные, а часто и арендованные общиной или группой крестьян сенокосы ежегодно делили по паям, работа же производилась каждой семьей отдельно. В условиях нехватки сенокосов крестьяне сами были заинтересованы в ежегодной разверстке сенокосных угодий (в отличие, заметим, от пахотных земель), ибо разверстка в наибольшей степени, по крайней мере в данных условиях, отвечала хозяйственным потребностям.

Анализируя анкеты, надо иметь в виду и общественное положение главы крестьянского двора. Мнение, скажем, председателя волостного суда может значительно отличаться от мнения рядового крестьянина.

Показательна оценка крестьянами условий успешного ведения хозяйства без местного или отхожего промыслов. Главное условие они видят в достаточном количестве рабочих рук. На вопрос 5-й анкеты Ярославского губернского земства: «Можно ли прокормиться от одной земли?» — один из крестьян отвечал, что для этого требуется «примерно два надела и трое взрослых»²². Другое важнейшее условие успешного ведения хозяйства (без привлечения побочных заработков на стороне), по мнению самих крестьян, «чтоб были трудолюбивы и не пьяницы»²³.

Большой интерес представляют дела, касающиеся взаимоотношений между губернскими земствами и Департаментом земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия. С 1894 по 1897 г. велась переписка между Ярославским губернским земством и названным департаментом по поводу образцового хозяйства Ягодина-Кувшинова (выходца Яз крестьянской семьи, окончившего сельскохозяйственную академию) в с. Великое Ростовского уезда Ярославской губернии. Идея создания образцового крестьянского хозяйства принадлежала, по-видимому, руководству департамента. По его замыслу это хозяйство, поддерживаемое субсидиями со стороны министерства, должно было стать проводником в крестьянские хозяйства «правильных» приемов в земледелии и различного рода улучшений. Губернское земство критически отнеслось к этой затее, хотя и вынуждено было уступить. Периодические отчеты Ягодина-Кувшинова направлялись в губернскую земскую управу. Позднее они были обобщены и на их основании губернским агрономом сделано заключение.

Судя по содержанию отчетов «образцовое» хозяйство явно не справилось со своей задачей, однако отчеты дают обширную информацию о различных сторонах хозяйственной жизни крестьян Ростовского уезда, начиная с характеристики крестьянских орудий в сравнении с плугами фабричного производства и кончая описанием выработанных крестьянским опытом способов сева клевера в условиях трехполья.

Крестьянские орудия в конкретных условиях отвечали этим критериям. Например, усовершенствованная соха — «самолет» успешно применялась как на полевой земле, так и в огородничестве. «Самолетом» можно было пахать на глубину от полутора до восьми вершков, им обрабатывали тяжелые и легкие почвы, запахивали навоз, поднимали новь, запахивали картофель и проч.

Соха была незаменима на неровных ландшафтах. По мнению очевидцев, плуг плохо отваливает пласт на гору, а при сваливании пласта под гору плуг скользит и делает чрезвычайно узкие борозды, что сильно затрудняет и замедляет работу.

Критическое отношение к новым сельскохозяйственным орудиям, в том числе и пахотным, было характерно для крестьян как носителей хозяйственных традиций. Качества новых орудий соизмерялись ими с конкретными микролокальными природно-климатическими условиями.

Материалы губернского земства в целом дают основание говорить о том, что распространение клеверосеяния в крестьянских хозяйствах последовательно отражает сдвиги в общественном сознании крестьян и связано с процессом перехода к новой системе хозяйства: к отказу от трехполья и утверждению четырехполья. В этой эволюции систем земледелия несомненную роль играла община: источники содержат тексты приговоров сельских сходов о переходе с трехпольного на четырехпольный севооборот²⁴. Таким образом, мы имеем основание расширить трактовку понятия «хозяйственные традиции», включив в нее отдельные стороны деятельности общины.

Надо, однако, учитывать, что решениям сходов о переходе на новую систему земледелия немало способствовали действия губернских земств, поощрявших подобные меры. Не обладая достаточными средствами, земства ходатайствовали перед Департаментом земледелия о денежном пособии на выдачу премий селениям, пожелавшим перейти к «правильному», четырехпольному хозяйству. В дополнение земства предоставляли этим крестьянам семена из губернского сельскохозяйственного склада с рассрочкой платежа. Только принимая во внимание все обстоятельства и детали, можно объективно воссоздать одну из составляющих непростого процесса эволюции хозяйственных традиций.

В качестве источника для изучения хозяйственных традиций русского крестьянства могут быть использованы материалы периодической печати. Наибольший интерес в этом отношении для нас представляет раздел газеты «Губернские ведомости», который был озаглавлен «Неофициальная часть». В помещенных здесь корреспонденциях сообщалось о ходе сева озимых, указывались причины, по которым часть озимых полей оставались незасеянными, будь то недостаток удобрений или ненастная погода, вследствие которой некоторые запоздали севом, или же «недостаток семян по случаю совершенного неурожая ржи»²⁵. Сведения о хозяйственной жизни деревни не ограничиваются оценкой состояния яровых или озимых хлебов. Публикации «Губернских ведомостей» отразили первые шаги по распространению в крестьянских хозяйствах различных новаций: новых сельскохозяйственных машин, нетрадиционных приемов земледелия и проч.

Содержащаяся в неофициальной части «Губернских ведомостей» информация по интересующей нас теме, по своему существу преимущественно текущая, касалась, как правило, ряда конкретных населенных пунктов. Лишь изредка корреспонденты позволяли себе обобщения, когда границы зафиксированного в одном месте явления распространялись до пределов волости.

К той же группе источников должны быть отнесены и публикации специализированных газет и журналов: «Земледельческой газеты», журнала «Сельское хозяйство и лесоводство» и проч. Сочинения, очерки, корреспонденции, заметки и т. п., написанные владельцами помещичьих имений или их управляющими, требуют особого подхода к их анализу. Описывая ход и последовательность сельскохозяйственных работ, выполняемых крестьянами в помещичьих хозяйствах, авторы публикаций зачастую фиксировали сложившиеся в крестьянской среде в виде многочисленных вариантов традиционные агротехнические приемы. Нередко, однако, описываемые приемы не имели никакого отношения к традиционным формам хозяйственной деятельности крестьян. Почерпнутые из научных, а чаще научно-популярных изданий и внедренные в земледельческую практику владельческих (некрестьянских) хозяйств, они не учитывали местных условий хозяйствования и шли вразрез со сложившимися на их основе микролокальными хозяйственными традициями русских крестьян.

Важным и вполне самостоятельным источником являются материалы, полученные автором в ходе полевых этнографических исследований.

Лица, от которых была получена информация, естественно, не могли наблюдать непосредственно способы ведения крестьянского хозяйства, характерного для XIX в., однако некоторые из них хранили еще воспоминания своего детства. Несомненно, использование их рассказов требует осторожности и перепроверки письменными источниками.

Полученная в ходе экспедиций информация о хозяйстве большей частью относится ко времени существования единоличных хозяйств (до создания колхозов), а также к первым годам после коллективизации. Соотнося ее с выявленными на основе анализа источников приемами хозяйствования во второй половине XIX — начале XX в., мы имеем возможность, во-первых, реконструировать в отдельных случаях некоторые из этих приемов, а во-вторых, увидеть динамику, определить пути и формы эволюции хозяйственных традиций.

Примечания

¹ Программа для собирания сведений о сельской поземельной общине. СПб., 1878; Документы по истории крестьянской общины. 1861—1880. М., 1983.

² Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880.

³ Российский этнографический музей (далее — РЭМ), ф. 7, оп. 1—2.

⁴ Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск, 1897.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 91, оп. 1, д. 341, л. 376.

⁶ Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858—1871. Вып. 1—6.

⁷ РГИА, ф. 395, оп. 1, д. 497, л. 11.

⁸ Там же.

⁹ РГИА, ф. 398, оп. 30, д. 11 290, л. 22—22 об.

¹⁰ Там же, оп. 67 (2-й разряд), д. 171, л. 288 об., 289.

¹¹ Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО), ф. 642, оп. 1, т. 8, д. 22 827, л. 2.

¹² Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Рязань, 1882. Т. 1. Вып. 1. С. V.

¹³ Статистический обзор Калужской губернии за 1896 г. Калуга, 1897. С. III.

¹⁴ Сборник статистических сведений по Орловской губернии. М., 1886. Т. 1. Вып. 1. С. IV.

¹⁵ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. 1. Вып. 1. С. V.

¹⁶ Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Т. 1. Вып. 1. С. IV.

¹⁷ Свод добровольных сообщений корреспондентов о переменах в технике крестьянского хозяйства. Владимир-на-Клязьме, 1898. С. 32.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАЯО, ф. 485, оп. 1, д. 487.

²⁰ Там же, оп. 4, д. 2357, л. 7.

²¹ Там же, л. 4.

²² Там же, л. 2 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же, оп. 1, д. 570, л. 8—9 об.

²⁵ Там же, оп. 2, д. 1245.

Sources for the study of agricultural traditions of the Russian peasants (late XIX — early XXth century)

Russian agricultural traditions as an agrotechnical system reproduced from generation to generation within a peasant community have not been adequately studied yet. The present survey of written sources on the subject is supposed to contribute to the solution of this problem.

S. V. Kuznetsov